

Матьяна
Алюшина

Читайте романы Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет
Отсроченный шанс, или Подарок из прошлой жизни
Вынужденное знакомство
Жизнь на общем языке
Ломаные линии судьбы
Новые райские кущи
Невероятная очевидность чуда

Матьяна
Алюшина

Невероятная
очевидность чуда

Роман

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Редактор серии *П. Корицкая*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Автор выражает благодарность
поэту *Андрею Ковалеву* за предоставленные стихи

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Невероятная очевидность чуда : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225850-3

Встретить «своего», близкого по духу человека в этом безумном мире — настоящее чудо... Порой оно является неожиданно и даже может застать нас врасплох. Ева Ахтарская знает об этом не понаслышке.

Отправляясь в долгожданный отпуск в любимую Калиновку, Ева не знала, какой сюрприз ее поджидает. Зайдя в свой дом, девушка обнаруживает там... совершенно незнакомого мужчину. К чему приведет это вынужденное знакомство?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225850-3

Разумеется, дождь, встраиваясь в концепт всего ее сегодняшнего дня, проходящего под девизом «засада крепчала, сплывалась и лупила куда ни попадя, но со всем своим старанием» и отлично дополняя его, пошел именно в тот момент, когда Ева выбралась из маршрутки.

Еле сдерживаясь от того, чтобы громко, проникновенно и с большим душевным чувством не выругаться, изливая переполнявшее ее сверх всякой меры раздражение, нервным рывком Ева выволокла из нутра общественного транспорта неудобный чемоданище, уже реально доставший ее до невозможности за время пути, и чуть ли не швырнула в сердцах на щербатый асфальт, словно хотела отделаться от него раз и навсегда. Горячее желание выкинуть куда-нибудь этот ужас на колесах Ева испытывала с момента, как только его увидела, но с немедленным избавлением решила пока повременить — сначала неплохо бы все-таки добраться до конечной цели и пункта назначения путешествия. А там уж можно и баулами расшвыриваться.

Обиженно-жалостливо проскрипев «раненым» колесиком, словно попеняв злобной девице за такое с ним непочтительное обращение, ни в чем не повинный че-

модан бухнулся рядом с ногой Евы. С легким шипением дверь маршрутки закрылась, и... именно в этот момент пошел дождь. Причем такой... настоящий себе дождь — не ливень, но близко к тому.

Пошел вполне себе ожидаемо, тут без претензий к природе — весь день собирался пролиться и все поддавливал и поддавливал, низкими нависшими сизыми тучами накрыв, казалось, все Подмосковье и соседние с ним области, в частности ту самую, в которую и пришла Ева Валерьевна Ахтарская.

Ну что бы ему не подождать-то было, тому дождю, еще каких-нибудь пятнадцать минут, раз уж за долгие три часа не самого спокойного и легкого пути Евы он так и не разродился, ведь терпел же этот дождина как-то все это время.

Всего пятнадцать минут!

Тут же осталось-то всего ничего, каких-то пятнадцать минут быстрого шага — рукой подать, — и она успела бы дойти до дома.

Нет, понятно, что спонтанное решение ни с того ни с сего ехать в Калиновку само по себе было чистой водой авантюрой. Ну а как его еще можно назвать, если два дня назад, практически уже ночью, когда после тяжелой смены и двух многочасовых операций Ева еле приволокла домой свое изнуренное до невозможности тельце. С-сидела с вытянутыми, гудящими от усталости ногами на пуфике в прихожей, не в состоянии наскрести в себе остатки сил, чтоб хотя бы элементарно снять верхнюю одежду и разуться, в ее опустевшую от переутомления голову вдруг вскопчила неожиданная мысль:

«Хочу в Калиновку!»

И так эта дурная мысль застолбилась и закрепилась в пустом пространстве решившего отдохнуть от напряжения сознания доктора Ахтарской, что отделаться от этой засевшей мыслишки у нее не получалось, как она ни старалась, что называется, «перебить повестку» и отвлечься на что-то иное.

В результате напрочь проигранного соревнования с вирусной идеей, поселившейся у нее в голове, уже на следующее утро Ева примчалась в больницу. И, удачно выловив главного врача отделения всего за полчаса до назначенной у него операции, затребовала у того отпуск, решительно подвигая к нему по столу свое заявление.

А что самое странное, из разряда «чудо-чудное, небывальщина!» — Волин таки подписал ее заявление, не сильно-то и сопротивляясь. Так, для видимости и галочки поугovarивал передумать, вспомнить о коллективе и плановых операциях, в график которых она поставлена. Но потом взял и подмахнул размашисто бумазейку Евы своей дивной, заковыристой подписью, сопроводив свое решение комментарием:

— Мне следовало самому тебя прогнать в отпуск еще неделю назад. Вижу же, в каком ты состоянии. Но людей не хватает. А... — махнул он раздраженно-бесильно рукой, — что говорить, сама все понимаешь, — и вздохнул тягостно.

Она понимала. Кадры, это да — такая проблема... Мягко говоря, сложная. Причем глобальная для всех медучреждений, не только для их отделения и больницы — в масштабах всей страны, скажем так.

— Так что пользуйся, пока я не передумал, испугавшись, что согласился тебя отпустить, и беги. — Еще разок безысходно вздохнув, Антон Ильич резким, реши-

тельным движением руки придвинул обратно к Еве подписанное им заявление.

И уже через два часа, завершив все необходимые формальности: подписав документы, отметившись в кадрах и бухгалтерии, — Ева покинула больницу. Удачно избежала при этом встречи с Игорем Изворским, которому предстояло заменить ее на всех ближайших плановых операциях. Тот пока пребывал в счастливом неведении. И Еве совсем не хотелось выводить из него коллегу, откровенно говоря, подставив своим неожиданным отпуском.

Поэтому, бросив мимолетный взгляд в окно и увидев идущего к центральному входу в отделение Игоря, Ева испытала острый приступ шкрябнувшей по нервам вины. Резко развернувшись, она рванула в другую сторону, выстрелянной пулькой выскочила на лестницу черного выхода и разминулась с коллегой буквально на каких-то пару спасительных секунд.

Калиновка стучала в голове Евы набатом, обещавшим пусть не райское блаженство, но отдых от всего и всех, тихую размеренность и, главное, тишину. Тягучую, глобальную тишину и растянувшееся время поздней стылой осени — то самое, чего буквально требовала и просила сейчас душа Евы.

Так что прости, Игорек, она потом и повинится перед тобой, и отработает твои смены, если понадобится, и выкатит какой-нибудь презент замирительный. Обязательно. Но потом.

А сейчас — свобода и Калиновка!

Вот только до любимого дома в далеком поселке еще надо было добраться. Не то чтобы далеко, но это как посмотреть и с чем сравнивать — не Сибирь, конечно, это

да, но и не теплый Юг. На скоростном экспрессе от Москвы два часа с Ленинградского вокзала. А там еще на междугородной маршрутке около часа, ну и пешочком от остановки пятнадцать минут и... все-е-е, можно наконец выдохнуть умиротворенно...

Она в домике! Красота!

Вечером, испытав чувство удовлетворения от понимания, что шальная идея, вскочившая ей в голову, приобретает все более реальный костяк, обрастая деловыми подробностями, Ева купила через приложение в интернете билеты на поезд и маршрутку и, поужинав, наладилась собирать вещи.

И вот на этом самом месте отрезок складывавшихся «как по маслу» всех предыдущих ее решений, обстоятельств и действий, видимо, закончился. И перешел в режим «двигаемся дальше, но уже с некоторым напряжением и непредвиденными колдобинами».

В качестве первой «колдобины» выступило неожиданно открывшееся обстоятельство, что любимый, удобный и родной чемоданчик Евы развалился окончательно и бесповоротно. Не закрывается он совершенно и к использованию по прямому назначению более не пригоден.

Понятное дело, что развалился он не прямо вот сейчас, а бог упомнит когда — в те незапамятные времена, когда Ева еще куда-то ездила. О вышедшем из строя чемодане она, разумеется, благополучно давно и напрочь забыла — вместе с теми самыми канувшими временами. Таким вот образом и получилось, что проблема упаковки вещей встала перед Евой Валерьевной во весь свой чемоданный рост, причем ближе к двенадцати часам ночи. Когда она и приступила к послед-

нему этапу всех своих сборов в дорогу и предпринимать что-либо реальное — типа срочной покупки нового чемодана — было уже поздно.

Собственно, можно было не заморачиваться сложным выбором и растолкать все необходимое по сумкам и пакетам, но устройство природы и разума Евы Ахтарской не переносило бестолковости и отсутствия нормального, продуманного порядка во всяком деле, за которое она бралась. А появление нескольких дорожных сумок и каких-нибудь баулов вместо одного чемодана, по ее оценке, относилось как раз к разряду той самой обременительной бестолковости и элементарного неудобства.

Пришлось Еве ковыряться в закромах, в которых она таки отыскала и извлекла на свет старый, громоздкий, здоровенный чемодан. Он больше походил своими габаритами и неприглядной угловатостью на потрепанную жизнь картонную коробку от стиральной машинки, а не на удобное средство для упаковки вещей, в котором братец как-то привозил им с мамой кучу подарков и восточных вкусняшек, да так и оставил вместе с содержимым у них дома. Девать этого уродца было некуда, а выбросить вполне себе пригодную рабочую вещь не хватило решимости. Вот и засунули в дальний угол хозяйственной каморки, как водится у всех в нашей стране: «на всякий случай, вдруг пригодится».

«Ты-дын-н-н» — зазвучали фанфары для старичка, настал ваш звездный час, господин Чемодан, вы пригодились! Не зря, выходит, пылились столько лет на задворках.

Выступающий со своим бенефисом «артефакт» всем своим видом и устройством ужасно раздражал эстетические и рачительные установки Евы Валерьевны Ахтарской. Но деваться было некуда, поскольку в первом

часу ночи иных вариантов, кроме этого гроба на колесах, у нее не нашлось. Довольствуемся тем, что имеем! А то, что в чемодане осталось слишком много места после того, как она сложила в него все, что наметила взять с собой, и по незаполненным пустотам его нутра барахло бултыхалось, перемешиваясь в одну хаотичную кучу, — ясное дело, лишь наддало и усугубило неприятные эмоции Евы.

Тяжко-безысходно вздохнув, она натолкала в чемодан дополнительного шмотья и всякой мелочовки. Даже рюкзачок, с которым намечала ехать, засунула со всем его содержимым, кроме документов, телефона, кошелек и ключей от квартиры и дома, которые она переложила в маленькую дорожную сумочку.

Ну, вроде бы все, — фух! — собралась, хоть с перегрузом и совсем не так, как намечала, но уже можно выдохнуть и успокоиться.

Ага! Щас! Тот самый случай — посмеялась планида Евы Ахтарской над всеми ее оптимистичными выдохами.

Утро следующего дня не задалось с самого начала, по всем правилам и в русле концепции закона Мерфи, гласившего, как известно, что все, что может случиться — случится обязательно, а что не может случиться — случится тоже. И каждый этап дальнейшего пути Евы по закону той самой подлости был отягощен неожиданными трудностями и напряжениями разного уровня неприятностей, валившимися на нее.

Сначала произошла какая-то непонятка с такси — одно ехало-ехало и не доехало, по невыясненным причинам снявшись с заказа. Вторую машину отчего-то никак не удавалось заказать. В конце концов машина на ее маршрут нашлась, но ждать пришлось долго. Ко-

гда Ева начала всерьез волноваться, понимая, что имеет все шансы не успеть на экспресс, такси все же подъехало.

Дальше — еще веселей! Ева вышла из лифта на первом этаже, и в этот момент одно из колесиков чемоданного монстра, внезапно издав непотребный скрежет последнего издыхания, вывернулось каким-то странным образом. И чемодан начало уводить в сторону, отчего он чуть не завалился набок, а несчастное колесо болталось при этом, демонстрируя свою готовность и вовсе отвалиться. Следующим сюрпризом стало открытие, полученное, так сказать, экспериментальным путем, — вес и габариты чемодана оказались слишком большими для миниатюрной Евы, когда та предприняла попытку его приподнять и вынести вместо того, чтобы волочить за собой под аккомпанемент ненормального колесного скрипа.

Ругаясь громким шепотом почему зря, пыхтя и отдуваясь от натуги, Ева вытащила чемоданище из подъезда и кое-как донесла-таки его до такси. При этом таксист даже не дернулся помочь девушке, лишь посматривая со своего сиденья за ее потугами с большим познавательным интересом. Козел вообще-то.

Ну ладно, бог с тем таксистом, получившим большой минус в свою карму, главное, в машину она загрузилась, выдохнула облегченно, ну и все — поехали, слава богу!

Но! Дважды они вставали в пробках. Дважды!

Эти неподвижные гадские задержки теребили и без того уже изрядно истрепанные нервы девушки. Но на вокзал к отходу поезда она таки успела — правда, буквально впритык к отправлению! — и неслась к перрону,

скрипя и сипя несчастным колесиком на всю вокзальную площадь, грохоча оставшимися тремя рабочими колесами по стыкам плиток. Кое-как, с большими усилиями, матерясь сквозь зубы, вцепившись в петлю для транспортировки обеими руками, Ева втащила по пандусу на перрон злополучный чемодан, волоча за собой эту махину. Добежала она до своего вагона и ввалилась в него, задыхаясь и сипя, как выброшенная на берег из своей тихой-мирной и спокойной глубины рыбина.

Ладно, все, она успела, ура! Теперь можно окончательно выдохнуть, успокоиться и расслабиться хотя бы на следующие два часа.

Ну да, как же, расслабиться! Сегодня же явно не день Евы Валерьевны Ахтарской.

И поняла она сей прискорбный факт с полной и очевидной неизбежностью, когда нашла кресло с номером, соответствующим купленному билету, и узрела соседа, предназначенного ей судьбою для дальнейшей двухчасовой поездки.

Кое-как уместившийся, но до конца так и не втиснувшийся свое расплывшееся, массивное, бесформенное тело в довольно широкое кресло, у окна элитного экспресса сидел толстяк.

Нет, не так — очень большой и очень толстый мужчина.

Отфыркиваясь, удушливо, с натугой сипя при каждом вдохе и выдохе, он вытирал огромным платком, больше похожим на кусок простыни, чем на известный аксессуар «носового» назначения, покрытое неровными красными пятнами и крупными бисеринками пота широкое лицо грушевидной формы. К тому же еще и сплюснутое у висков и расширявшееся книзу,

куда оно словно бы стекало тестообразной массой, остановившись лишь на плечах, на которых и разлеглось, погребая под собой шею, ежели таковая вообще имелась в устройстве этого организма. Мужчина смотрел на Еву изучающе-оценивающим взглядом глубоко посаженных мелких, каких-то бесцветных глазок, теврявшихся в столь своеобразном устройстве его лица.

— Чуть не опоздал, — пояснил свое состояние мужчина и промокнул «простыней» вновь начавший выступать на лице пот. — Вы, смотрите, тоже в последний момент успели, — махнул он в сторону дверей пухлой рукой с зажатым в ней платком-гигантом, поддерживая этим жестом свои выводы.

— Да, — призналась Ева, коротко кивнув, но не продолжая, впрочем, никаких дальнейших пояснений, и села в свое кресло.

— Вы моя соседка-попутчица, — улыбнувшись полными губами-варениками, с довольным видом констатировал очевидный факт мужчина.

— Получается, что так, — подтвердила Ева сей прищорбный для нее факт и дежурно улыбнулась в ответ.

— Отлично! — откровенно порадовался мужчина. — Хорошая беседа сокращает любую дорогу, а уж беседа с симпатичной женщиной делает эту дорогу еще и приятной!

— Угум-м, — промычала нечто неопределенное Ева, мысленно безнадежно застонав.

Вот меньше всего на свете Еве, как говорит медсестра ее отделения, «впало» сейчас вступать с кем бы то ни было в какие-то беседы, тем паче с этим вот соседом, продолжавшим разглядывать ее неприятным, оценивающим взглядом своих острых, маленьких глазок.

Да уж, подфартило так подфартило, ничего не скажешь. Как и ожидала Ева, толстяк оказался излишне навязчивым и приложил максимум усилий, чтобы разговорить девушку, предлагая разные темы для беседы и задавая ей много лишних вопросов. Коротко-неинформативно ответив на те из них, которые посчитала достаточно нейтральными, Ева, торопливо извинившись, призналась неприятному попутчику, что зверски устала и хотела бы немного подремать.

Подремать, оно, конечно, было бы очень даже неплохо, кто бы спорил, но больше всего в данный момент Еве хотелось отделаться, отгородиться от соседа и остановить поток его красноречия. Что она и сделала весьма показательным образом — откинув голову на подголовник, закрыла глаза и отвернулась от мужчины.

Сосед посопел с явно считаваемым неудовольствием, шумно поотдувался, видимо, еще и так выражая свое негативное отношение к отповеди девушки, но лезть с новыми вопросами к ней все же не рискнул.

Ну вот и славно, и помолчи уже, пожалуйста.

Стараясь отрешиться от пытящего рядом недовольного толстяка-соседа, а заодно и от всех досадных до невозможности мелких неприятностей, валившихся на нее со вчерашней ночной эпопеи с чемоданом, Ева произнесла про себя, словно мантру, по слогам: «Ка-ли-нов-ка».

Потерпеть каких-то три часа, ну ладно, чуть больше трех часов, и она будет дома.

Она вдруг вспомнила бабушку Яну. Неожиданно так вдруг выскочило воспоминание, словно наяву, будто происходило совсем-совсем недавно и оттого помнилось четко, ярко, во всех подробностях и деталях. Она увидела взором памяти, как бабуля отводит ладошкой

занавеску на окне их дома в Калиновке, изучающе осматривает двор, вслушивается в монотонно шлепающий каплями, зарядивший надолго, по-хозяйски неспешно дождь и вздыхает:

— Ноябрь совсем на вторую половину перевалил. Коренная зима уж и не на пороге даже, а в сенях стоит.

Ева непроизвольно улыбнулась этой картинке и бабулиным словам. Как большинство людей в их стране, бабушка Яна промозглый, сизый и холодный межсезонный ноябрь не любила.

А вот Ева, наоборот, воспринимала этот месяц как некий момент почти мистического перехода из одного состояния в иное — из старости прошедшего года к звенящей морозами юности следующего.

Не то чтобы прямо любила это время, но иногда испытывала внутреннюю потребность в уединении — перевести дыхание и сменить, остановить слишком стремительный и наполненный темпоритм, в котором приходится жить в большом городе.

И лучше всего для замедления течения жизни и погружения в состояние душевного умиротворения и релаксации ей подходил задумчивый, промозглый и грустный ноябрь. С его дымчатой, прозрачной загадочностью пейзажей, размытых мелким дождем, с потемневшими до коричневы палыми листьями и уже редкими шляпками грибов, выглядывающих из нее, с выпростанными молитвенно в небо голыми мокрыми ветками, с неторопливой рыбой в реке и какой-то дивной, особой, пронзительной прозрачностью высокого, уже холодеющего неба в те редкие денечки, когда солнце побеждало слякотные дни.

Сейчас Ева испытывала остро-нестерпимую потребность окунуться в эту самую тишину, в прозрачную

грусть и торжественность прощального ноября, насладиться, наполниться уединением, в неспешной неторопливости проживая, смакуя каждый день, очищаясь таким образом от всего большого и сложного, и отпуская то, что требовалось отпустить, и прощаясь с теми, с кем необходимо проститься...

За воспоминаниями и размышлениями о ноябре с его слякотно-растянутой неспешностью Ева и не заметила, как сумела расслабиться и на самом деле, а не притворно для конспирации, погрузиться в дрему. Да такую приятно-обволакивающую и глубокую, что проснулась и вскинулась лишь в тот момент, когда сосед-толстяк тряхнул ее за плечо.

— Поезд уже останавливается, — не самым довольным тоном уведомил он девушку, — вам надо меня выпустить.

— Да-да, — засуетилась спросонок Ева, спешно поднимаясь из кресла, не сразу встраиваясь в реальность после расслабленного подремывания.

Не, ну выпустить человека действительно требуется, тут не поспоришь, непонятно только, за каким фигом тот брал билет у окна. При таких-то... *тесторасползающих*, скажем так, габаритах намного удобней, да и проще бы сидеть с краю.

Впрочем, это не ее дело, да и, честно признаться, Ева просто откровенно вредничает и бухтит про себя недовольно — ну не понравился ей товарищ, вызвав какое-то стойкое неприятие и отторжение, что поделаешь, бывает.

Вон он устремился к стойке с багажом, сейчас выйдет из поезда, и они, слава тебе господи, больше никогда не увидятся.

Ну да, ну да! «Не так быстро, дорогая, — хохотнула обманчивая фортуна, сегодня явно выступавшая не на сто-

роне Евы, — это ты просто расслабилась и пригrelась от суетности в своем приятном сне, а денек-то еще не закончился и дорога твоя тоже», — напомнила она ей.

Толстяк никуда не делся, как надеялась и ожидала Ева, а суетился в тамбуре, с озабоченным видом ковыряясь в большой кожаной сумке, которую пристроил сверху огромного чемодана, на фоне которого Евин «инвалид» казался мелкоформатным подростком.

— Всего доброго, — пожелала Ева попутчику, проявляя одно из своих лучших качеств: хорошую воспитанность, включающую в себя в том числе умение не демонстрировать свои истинные эмоции.

— Да-да, — покивал рассеянно бывший теперь попутчик, продолжая поисковые изыскания в глубинах своей сумки, — и вам, Ева, хорошего дня.

Проскрежетав предательским колесиком-подранком по съемному пандусу, Ева вышла из вагона на платформу и, не особо спеша, направилась ко входу на вокзал — у нее было целых полчаса до маршрутки, отправлявшейся с вокзальной площади, за которые она вполне спокойно успевала неторопливо выпить чашечку кофе в довольно неплохом кафе рядом с вокзалом.

Еще немного, последний, можно сказать, рывок — маршрутка, — и она практически дома, напомнила себе Ева.

«Обязательно, — хмыкнула зловредная действительность, — только сначала...» И пребольно засандалила девушке по бедру углом монструозного чемодана толстяка соседа, которым тот задел Еву, торопливо пробегая мимо.

— Оу-у-у-у! — прошипела от боли Ева, потирая ушибленное место. — Вы что, обалдели?! Не смотрите, куда идете?

— Простите, я случайно, — без намека на какое-либо раскаяние «извинился», разве что не светясь от довольства, мерзкий мужик.

— Да? — разъярилась Ева. — А если я сейчас вас так же чем-нибудь «случайно» задену? — сделав упор на этом слове, посмотрела на него своим особым, непростым взглядом, вводившим в состояние внутренней неуютности и тревожности людей куда как покрепче нервами, чем этот гаденыш.

— Простите! — растерял большую часть своей наглостью уверенности мужик и как-то даже сдулся немало. — Я не хотел!

— Вы хотели, — холодно возразила ему Ева, — и это легко доказать: видео, — указала она пальцем на столб, на котором была закреплена камера видеонаблюдения. — А приложенное к нему заявление об умышленном нанесении травмы и подтвержденные справкой последствия вашего нападения станут отличной основой для добротного судебного разбирательства.

— Я тороплюсь! — подвзвизгнул как-то по-бабьи перепуганно, фальцетом мужик. — Я случайно, случайно! — И, дернув к себе свой чемоданище, смешно перебирая толстыми ногами, практически побежал вперед, улепетывая от девушки, оказавшейся весьма непростой штучкой.

— Вот же сволочь! — возмутилась Ева, все потирая и потирая ушибленное место.

Синяк наверняка останется. Ну не гад ли скотинский?

Гад, конечно, а то! Только чего уж теперь возбухать попусту.

— Надо было не пугать, а врезать этой сволочи со всей своей душевной щедростью! — проворчала Ева

себе под нос и возмутилась с глубоким эмоциональным недоумением: — Что за день-то такой, етишкина кондрашка, а?

Ну вот такой день. Надо было, наверное, гороскопы какие-нибудь почитать, которые так уважает санитарка их отделения Валентина, рассказывая на дежурствах всему медперсоналу, что за фигия с каждым из них должна сегодня случиться, хрен знает, или прогноз магнитных бурь, ретроградных Марсов и неблагоприятных дней — что там еще следует смотреть и рассчитывать, прежде чем пускаться в далекие и не очень путешествия?

Да бог знает, с чем там надо было сверяться, она вот не сверилась, не посмотрела ничего и ни на что: вступило в голову — хочу в Калиновку, — и понеслась, словно у нее где подгорает и прямо вот опоздает она, если хотя бы на денек задержится, можно подумать!

Ладно — тягостно вздохнув и потеряв ушибленное бедро, успокоилась как-то в один момент Ева, притянула к себе проскрипевший жалобно подраненным колесиком чемодан и поплелась дальше по своему маршруту.

Кофе она выпила. Что хоть совсем немного, но сгладило душевное дребезжание и досаду от преследующей ее весь день с каким-то маньячным упорством засады. Перевела дыхание, взбодрилась, подхватила чемодан свой, вышла из кафе и отправилась на маршрутку, при каждом шаге испытывая болезненные ощущения в ушибленном бедре, невольно будоражившие успокоившееся было раздражение и заставлявшие вспоминать мстительного жирдяя.

Но, как оказалось, столь сумбурно-неласково начавшийся день, еще даже не переваливший за половину,